

ПОНИМАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЛОВА КАК БАЗИСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «РИТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ» ПЕДАГОГА

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые отношения между словами нашей речи. Ставится проблема «риторической личности» педагога в качестве неперемного условия осуществления им влиятельной публичной аргументации в контексте современного непрерывного образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, «риторическая личность», смысловые отношения, «индивидуальный смысловой контекст», словоупотребление.

Summary. The article deals with the semantic relations between the words of our speech. The problem of the “rhetorical personality” of the teacher is posed as an indispensable condition for the implementation of an influential public argument in the context of modern continuous education.

Keywords: continuous education, «rhetorical personality», semantic relations, «individual semantic context», word usage

«Риторическая личность» – тот, кто не просто владеет ресурсами языка, но и, являясь коммуникативным лидером, может организовать эти ресурсы так, чтобы они делали обыденное – новым, привычное – внезапным, стандартное – экстраординарным. «Риторическая личность» мобилизует у слушателя (собеседника) резервы воображения и памяти, восприятия и реагирования. Для непрерывного образования лично-

сти важнейшее значение имеет возможность человека понимать и быть понимаемым. Слово – канал нашего взаимодействия с миром. Слово – фактор обучения и усвоения знаний социума и опыта различных поколений. Но, чтобы понять сказанное и реагировать на послылы внешнего мира, нам предстоит улавливать и осмыслять те семантические отношения между словами, которые способны делать синонимы – антонимами, а внешне подобные формы – наделять такими оттенками и нюансами, которые передают тончайшую игру смыслов.

Каждое слово – знак, функционирующий в соответствии с законами и правилами той семиосистемы, в которую этот знак включен. Скажем, в Беларуси русское слово испытывает серьезное влияние со стороны белорусского языка; в этом отношении наибольшие проблемы возникают при употреблении слов русского языка, омонимичных белорусским словам или обнаруживающих значительное внешнее сходство с ними, но обозначающих другое. Это касается таких слов, как *«термин»*, *«отказ»*, *«добрый»*, *«речи»*, *«гроши»*, имеющих близкие соответствия в белорусском языке, но удаленных семантически. Слово участвует в семиозисе, в формировании картины мира человека и народа (ее создание – как раз конечная цель всякого обучения), оказываясь конструирующим элементом концептосферы, объединяющей тех, кто это слово употребляет согласно намерениям и интенциям. Роль слова в семиосистеме – фокусировать их определители для каждого высказывания; образуя своего рода макроконтекст: «В словах, в грамматических формах, в синтаксисе запечатлевает свой образ душа данного народа» [1, с. 134]. Именно этим обуславливается, скажем, различие русского *«отказа»* – и белорусского *«адказа»* в значении «ответа»; ни в коем случае не «отказа»! Между тем ошибка в понимании может дорого стоить тому, кто в процессе усвоения знаний – самых разных и основательных – забыл о необходимости изучать «светотени» слова, возможности и особенности его употребления. «Риторическая личность», участвующая в осуществлении непрерывного образования самых разных групп людей, обязана чувствовать эти светотени, как в слове произнесенном, так и в слове воспринятом.

Важны временные особенности словоупотребления, объясняющие различный смысл внешне одного знака, – семантическая архаизация. Бывает так, что мы не в состоянии адекватно разъяснить смысл прочитанного – и лишь потому, что нам неведомы смысловые отношения между словами в данном фрагменте. Обратимся к примерам. В. Бенедиктов обращается к сабле: *«Прости, дорогая красавица брани»*; В. Жуковский показывает, как *«на коня с добычей прыгнул враг»*; его же герои «веслами струи **согласно** рассекают». Выделенные слова архаизировались в смысловом аспекте – ныне на их месте появились бы «сражение», «дьявол», «совместно», хоть прежде, употребленные поэтами слова, не исчезли, они по-прежнему функционируют в языке, но – изменив значение и, следовательно, ситуацию употребления. Н. Лесков употребляет слово «случайный» в значении «необходимый в конкретном случае» – с течением времени значение слова изменилось до противоположного. Такие привычные сегодня слова «вратарь» и «троечник» имеют значительную историческую перспективу: первое обозначало когда-то монастырского привратника, второе – ямщика, управлявшего тройкой лошадей. Уверены ли мы, что понимаем смысл сказанного или написанного – именно так, как это предполагалось автором? «Риторическая личность» – наличие такой адекватности концептуальных систем.

П.А. Флоренский предупреждает: «... Значение меняется даже в пределах одной речи иногда весьма существенно, включительно до противоположности» [3, с. 235]. А если это речь разных людей; к тому же – разделенная десятилетиями и веками? Тут приходится говорить не о коннотациях, не об индивидуальных смысловых контекстах, а часто – об изменении словарного значения слова. Архаизированная деривационно-смысловая модель – «восстать» вместо принятого «встать» ставит в тупик наших современников, читающих Державина («*Восстал всевышний Бог...*») и Пушкина («*Восстаньте, падишие рабы!*»). Поэты не констатируют восстания, не призывают к нему – между тем с точки зрения современного языка, где «восстать» означает «подняться для борьбы с кем-либо» (Ожегов), их стихи нередко ошибочно воспринимаются именно через призму «вооруженной борьбы», о которой они не говорили. Нужно ли говорить, что обучающиеся, слыша подобные сочетания слов и делая вывод именно о «восстании», не поняли текст, а задача «риторической личности», педагога, – как раз предупреждать такие моменты, прогнозировать их и адаптировать сказанное к уровню наличного развития слушателей.

Не следует призывать более зорко всматриваться в контекст, ведь «всякий из нас, слушая чужую речь и понимая ее, по-своему апперципирует слова и их значения, и смысл речи будет всякий раз для каждого субъективным» [4, с. 46]. Имеет место «индивидуальный смысловой контекст», в котором нет места знакам, накрепко объединенным с денотатом: у каждого носителя языка это объединение – своё; происходит оно по индивидуальным путям, в соответствии с неповторимым опытом восприятия. Между тем именно контекст, но далеко не индивидуальный, может определять отношения слов.

Рассмотрим отношения слов, которые важно чувствовать «риторической личности» – педагогу, осуществляющему непрерывное образование разных групп населения. В стандартном, адсорбированном виде «*красные*» и «*белые*», как «*синие*» и «*зеленые*» – не антонимы, а просто прилагательные общего колористического ряда, не предлагающие ни синонимии, ни антонимии. Между тем в контексте «войска в гражданскую войну» или «партии исподroma в Византии» эти цветовые определения приобретают антонимический характер: «*Были красные. Были белые. Были – наши. Были враги*» (Вл. Крапивин). В словосочетаниях «*сильное сочинение*» – «*прекрасное сочинение*» выделенные слова обнаруживают безусловную синонимическую близость; однако есть контекст, превращающий эти слова в антонимы, – «пол»: «сильный пол – прекрасный пол» – речь идет как раз о противоположностях. Контекст, как и употребление коррелирующих слов не в прямом значении, способны кардинально изменить смысловые отношения между лексическими единицами. Например, традиционно синонимичные «*рынок – базар*», различающиеся этимологически (немецкое – турецкое) и стилистически. Если же у обоих слов появляется контекст «птичий» (*птичий рынок – птичий базар*) их отношение меняется до антонимических: птичий базар – место свободного токования птиц, в то время как птичий рынок – место, где птицами торгуют. Такие отношения между словами, когда, функционируя в определенном контексте, привычное слово приобретает непривычный смысл, – часто приводят к невозможности воспринять материал – и тогда о лобом обучении можно лишь мечтать.

Можно ли говорить, что разные формы одного слова (*ночь – ночи; стол – на столе; широкий – широк*) способны радикально изменить соотношение семем? Фраза из

кинофильма о том, что «она не слепая – она слепа» отвечает на этот вопрос утвердительно. Краткая форма прилагательного, выражающая временность, относительность признака, а также переносный смысл, антонимичный в данном случае прямому, в этой противопоставленности приводит к антонимизации, даже не слов, а грамматических форм.

Серьезно повлиять на значение слова способна интонация, что особенно важно понимать тому, кто наделен правом обучать и ожидает определенной реакции от аудитории на свое обращение к ней. К примеру, учительское «Хорошо!» значит прямо противоположное тому, что вкладывает в это слово иронизирующий или мечтающий о реванше: «Хорошо же!». Паралингвистика в соединении с добавленным служебным словом меняет смысл кардинально. Сравним две фразы:

Здесь скучно, но вообще ничего!

Здесь скучно – ну вообще ничего!

Значения совершенно различны: в первом случае «ничего» оказывается позитивным утверждением, его синонимы, через которые смысл оказывается более отчетливым, – «прилично, нормально, допустимо»; второй случай предполагает лишь одно значение «ничего» – отрицание. «Абсолютно ничего». Разумеется, смысл фразы зависит не только от «но» или «ну» – он оказывается рельефнее и ярче именно при интонировании, вносящем некие семантические комментарии в почти одинаковые сочетания слов. Выделение символической и экспрессивной организации систем речи (Э. Сепир) означает их взаимопроникновение и взаимодействие; экспрессивный компонент, организуемый интонационно, обнажает те грани коммуникативного намерения автора, которые незаметны в слове как знаке, символе, способном означать разное. Называя слово амфибией, отражающей и внешнее, и внутреннее, П.А. Флоренский подходит как раз к тому, что семиотическая инвариантность знака в индивидуальном употреблении обогащается призвуками авторской вариативности; эти призвуки могут выражаться в коммуникативном процессе паралингвистически. Каждый ритор, будь он политиком, адвокатом или преподавателем, – передает информацию не только содержанием сказанного, но и теми голосовыми, интонационными, тембровыми модуляциями, которые способны окрашивать фразу в определенные тона, приближая диалог – или, наоборот, делая его невозможным. В силу этого так важно соответствие «внутреннего» в слове – его «внешнему».

Как показывает практика, в процессе преподавания наибольшие трудности при взаимодействии говорящего и слушающего связаны с невозможностью одинаково воспринимать слово – а значит, понимать его как информационную единицу. Обратимся к словам, которые сами по себе имеют семантическую глубину, обнаруживающую множественность потенциальных синонимических и антонимических отношений. Так, глаголы «оглядеть – осмотреть» – стилистические синонимы. Их способность оказаться не только идеографическими синонимами, но тяготеть к антонимии проступает, например, во фразе: «Уставший врач не осмотрел больного, а лишь слегка оглядел его». Точно так же «серп» и «коса», представляющие собой орудия для срезания травы (орудие – гипероним), могут быть разведены в конкретной ситуации, образовав совершенно антонимическую модель: «Не А, а В». Так, на полях стихотворения Батюшкова «Выздоровление», начинающегося: «Как ландыш под серпом убийственным жнеца...», Пушкин сделал приписку: «Не под серпом, а под косой». Он обозначил фактическую

ошибку, на которую, даже при фигуральном употреблении слова, автор не имеет права. Понимание таких нюансов, умение их видеть и оценивать – важное звено коммуникативной культуры преподающего, без которой нет современного педагога как «риторической личности», нет современного образования.

Литература

1. Парандовский, Я. Алхимия слова / Я. Парандовский. – Москва : Правда, 1990. – 656 с.
2. Лотман, Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман. Избранные статьи, т. 1. – Таллин : Александра, 1992. – 472 с.
3. Флоренский, П. А. Уводоразделов мысли / П. А. Флоренский. – Москва : Правда, 1990. – Т. 2.
4. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Москва : Правда, 1987. – 345 с.